

Дополнительный блок
Задача 2

Таким образом, ~~за~~ лекция Глеба Глинка и Сергея Свущенко стоили тем, что ~~стали~~ в ~~этом~~ из них присутствует взаимодействие с поэмами-предшественниками. Глинка же ~~заканчивает~~ в обращении автора второго фрагмента к самому поэту, а автор первого фрагмента — к прозаическому литературному деятелю.

Однако «чужая речь» появилась задолго до XX века. Так, например, А.С. Пушкин, к концу строкам не раз обращался ~~к~~ поэты XX века, сам использовал данную интроклюдент. Подтверждением можем послужить его стихотворение

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный»
«Восно вспомнить о существовавших поэтов стихотворения Г.Р. Державина «Я памятник себе воздвиг чудесной, вечной...» Не трудно заметить, что начала первых строк совпадают.

А.С. Пушкин так же, как и Г. Глинка и С. Свущенко, не заканчивал цитату в кавычки. Еще одним сходством, думаю, может быть возвращение к вам самим своим предшественником. Размещение

Литература

10 класс

Максимальное количество баллов – 70.

Общее время выполнения работы – 6 академических часов (270 мин.)

Внимательно прочитайте задания. Ответы записывайте в тетради, в виде связного, цельного, завершенного текста в прозаической форме. Задания можно выполнять в любом порядке. Соблюдайте правила русского языка и нормы речи. Дополнительные материалы и средства связи использовать не разрешается.

ЗАДАНИЕ 1. Комплексный анализ литературного произведения

Проведите комплексный анализ *одного* из двух художественных текстов, помещенных ниже (прозаического Текста 1 *или* поэтического Текста 2). Учитывайте инструкцию к ответу, расположенную перед текстом произведения. Работу выполняйте в связной и логичной форме, опираясь на знания в области теории и истории литературы.

Оцениваются навыки анализа и интерпретации произведения, логико-композиционная цельность сочинения, владение понятиями и терминами литературоведения, обращение к историко-литературному и культурному контекстам, грамотность.

Текст 1.

При аналитической работе с рассказом Ф. Сологуба обратите внимание на характеры главных персонажей, композиционное строение текста, роль и функцию фантастического в сюжете.

Федор Сологуб

Тело и душа

Сидели двое после обеда и разговаривали.

Так начинаются многие рассказы. Нет никакой причины не начать точно так же и этот рассказ.

Был ясный весенний день. Кабинет любезного хозяина в его городской квартире выходил окнами на шумную и людную улицу. Это не мешает заметить теперь же.

Хозяин
22

→ /Хозяин был человек, давно и широко известный своею кипучею и успешною деятельностью./ Гость его был во всех отношениях поплоче. Хозяина звали Георгий Алексеевич Радугин, гостя — Иван Иваныч Скворцов. Хозяин — инженер, гость — чиновник не из самых маленьких.

Хозяин сидел в кресле, слегка, но очень комфортабельно развалился, и курил сигару очень дорогую и очень, на свежего человека, скверную. Был рад тому, что его сигара такая крепкая и такая вонючая и что от нее такой синий, медленно плывущий в воздухе, кружащий голову дым и такое резкое ощущение на языке. Гость посиживал на другом кресле, радостно ощущал приятную мягкость и удобную широкость кресла, покуривал сигару, данную гостеприимным хозяином, и с большим уважением поглядывал на хозяина. Сигара ему совсем не нравилась, — он предпочитал немецкие, дешевые и слащавые сигарки, свернутые, может быть, из новгородской капусты, но имеющие вид настоящих гаванских вонючек.

Такова ситуация. Разговор же состоял в том преимущественно, что гость удивлялся хозяину, хвалил его и льстил ему, а хозяин слегка хвастался, как человек, привыкший к тому, чтобы ему все удивлялись и чтобы его все хвалили.

Скворцов уже не в первый раз говорил:

— Как вы успеваете? Ей-богу, удивительно и даже поразительно, особенно в наш век, когда все жалуются и никто не хочет ничего делать. И как вы находите время на все ваши дела и предприятия? Право, можно подумать, что вы никогда не спите. Да что! Для другого и двадцати четырех часов в сутки было бы мало, чтобы все это сделать, — а вы как-то успеваете. Да еще везде бываете и всем интересуетесь. Ей-богу, поразительно.

Говорилось все это, конечно, довольно гнусным тенорком, почти фальцетом. Люди не слишком преуспевшие в жизни не имеют никаких оснований обладать другим голосом. Так бывает во всех рассказах, за исключением тех случаев, когда в расчеты автора входит поразить читателя контрастом, совершенно неожиданным. Но так как соль этого рассказа совсем иная, то в отношении голосов, фигур и всего прочего во внешних проявлениях действующих лиц не допущено автором отступлений от тех порядков, которые соблюдаются во всех повествованиях.

Поэтому для внимательного читателя почти не надо говорить о том, что хозяин, Радугин, говорил приятным, слегка сиповатым басом и обладал весьма представительной внешностью.

Итак, Радугин на излияния своего гостя отвечал приятным басом, любезно улыбаясь:

— Это вовсе не так удивительно, как вам кажется, милейший Иван Иваныч.

По внезапно вспыхнувшим в его глазах лукавым и бойким огонькам сразу стало понятно, что он расположен к некоторой откровенности. Оттого ли, что дело было после обеда, или оттого, что Скворцов оказал Радугину довольно крупную услугу. Скворцов вообще мог быть весьма полезен Радугину, — так сложилась их деловые отношения, и такова была служебная обстановка Скворцова. В благодарность за последнее устроенное Скворцовым дело Радугин сегодня угощал его обедом.

Скворцов, радостно чувствуя, что хозяин расположен к откровенности, продолжал изливаться в выражениях удивления. Он думал, что откровенность Радугина влечет за собою новое, приятное в смысле личных выгод дело. Да и вообще откровенность знаменует собою дружеские отношения, а быть на короткой ноге с самим Радугиным, конечно, для всякого в положении Скворцова лестно.

Радугин посмотрел в окно. Засмеялся чему-то.

Встал и подошел к окну, — и синее облачко табачного дыма красиво потянулось за ним. Радугин позвал гостя:

— Иван Иваныч, подойдите-ка сюда, посмотрите-ка на эти две лестницы.

Иван Иваныч, заранее на всякий случай улыбаясь, подошел к окну, глянул туда, куда показывал ему хозяин, и опять перевел глаза на Радугина с выражением заинтересованности и вопроса.

Радугин спросил:

— Как вы думаете, Иван Иваныч, кто из этих двух молодцов раньше доберется до верху, красный или черный?

Скворцов быстро глянул в окно, опять повернулся, из вежливости и чтобы не заставлять ждать ответа, к Радугину и сказал:

— Понятно, красный раньше доберется, — он выше, а лезут они оба с одинаковым усердием.

Радугин самодовольно захохотал, как человек, хитро подловивший в чем-то другого. Тогда Скворцов поглядел на улицу повнимательнее и засмеялся тоже. К стене противоположного дома приставлена была лестница, и взбирался на нее зачем-то рабочий, молодой парень в красной рубашке. А на стену дома падала тень от лестницы, и казалось

при первом беглом взгляде, что две лестницы поставлены и что всходят по ним два человека, один в красной рубашке и другой в черной.

— Обман зрения удивительный, — говорил Скворцов и вежливо смеялся тем тоненьким гаденьким смешком, какой бывает только у маленьких человечков, когда они смеются сами над собой, чтобы угодить кому-нибудь большому и сильному.

Радугин отошел от окна, уселся опять поудобнее и сказал наставительно, с горы опыта и житейской мудрости:

— То-то вот обман зрения. Иногда обман зрения, иногда обман слуха, а иногда, глядишь, и кое-что более существенное навернется. Так-то вот и с моими заместителями.

Скворцов сторожко встрепенулся. Радугин помолчал, значительно и внимательно посмотрел на Скворцова и, видя, что интерес его весьма возбужден, самодовольно улыбнулся и продолжал:

— Никому я до сей поры об этих моих заместителях не рассказывал. А вот вам первому расскажу. Если вам не скучно послушать.

— Помилуйте, что вы говорите, — забеспокоился Скворцов, — я с величайшим вниманием и интересом выслушаю. Мне очень лестно, что вы меня удостаиваете вашей откровенности. Помилуйте, за счастье почитаю.

Даже покраснел от страха, что его может счесть Радугин не желающим выслушать.

— Хочется почему-то вам рассказать, — говорил Радугин, и видно было по его уверенному лицу и неторопливым движениям, что он и не ожидал иного ответа. — Правда, не без задней мысли. Да вот вы сами увидите сейчас в чем тут дело.

Скворцов радостно захихикал, всею фигурою выражая готовность служить с усердием и великим даже удовольствием.

— Вы думаете, я много работаю? — спросил Радугин, и хитрая усмешечка пробежала под его коротко подстриженными сидящими усами.

— Хе-хе-хе, шутить извольте! — весело ответил Скворцов. — Уж ежели вы не много работаете, то кто же тогда и работает!

— Да, вот все так думают, — продолжал Радугин, — а ничуть не бывало. Моя работоспособность — самая ординарная. Правда, что я не лентяй. И делаю я, точно, много. Так много, что и вы не поверите. Да и никто. Больше делаю, чем об этом знают мои друзья и недруги. Да-с, гораздо побольше. И делаю все это я не сам, а при помощи таких особых, запасных человечков. Как это вам понравится?

— Запасных? — робко спросил Скворцов.

Его лукавые серые глазенки воровато шмыгнули по всем углам просторного кабинета и опять установились на хозяина с тревожным выражением любопытства и непонимания.

Радугин помолчал. Нахмурился. Внимательно посмотрел на Скворцова. Видно было, что раздумывает снова, стоит ли говорить совсем откровенно. Наконец решил. Уверенно усмехнулся. Бросил остаток сигары. Заговорил тоном рассказа, с приемами человека, привыкшего говорить и чтобы его слушали, — и Скворцов уселся поудобнее и поспокойнее, видя, что предстоит выслушать целую историю.

— Давно это самое дело у меня началось, еще когда я совсем зеленым мальчишкой был, — рассказывал Радугин. — Шел мне тогда пятнадцатый год. Жили мы летом в нашем имении, в Нижегородской губернии. Житье мне в то лето было совсем не привольное, потому что приставлен был ко мне некий, изрядно-таки нескладный и непокладливый студент. А приставлен ко мне он был по той горестной для меня причине, что предстояла мне осенью переэкзаменовка.

— Невесело, — участливо вздохнул Скворцов.

— Да-с, весьма невесело, — согласился Радугин. — Вырвешься когда на волю, только о том и думаешь, как бы удрать подальше от моего ментора, — осточертел он мне невообразимо. Вот однажды в жаркий день забрался я в лес, в самую чащу. Уселся там на краю какого-то нелепого и невзрачного оврага. Там, в поле, жарища нестерпимая, — а

здесь, в лесной тиши, очень приятно — прохладно, и так смолкой попахивает, а внизу, в овраге, какие-то цветочки, метелки белые, на вид некрасивые, а туда же, пахнут довольно приятно. Сижую, глазею, то помечтаю, а то больше предаюсь грустным размышлениям о невеселых моих обстоятельствах. Отдыха настоящего за лето нет, а между тем скоро и осень настанет, и опять начнется несносное хождение в эту треклятую гимназию и постылый зубреж. Как вспомнишь какую-нибудь учительскую физиономию, так в жар и холод от отвращения кинет.

— Да-с, по большей части, несимпатичный народ, — поддакнул Скворцов.

Радугин лениво и слегка насмешливо глянул на Скворцова и продолжал рассказывать:

— Вдруг, — можете себе представить! — вижу перед собою лесного человека. Никогда раньше мне никакая чертовщина не являлась, а тут вдруг — извольте радоваться!

— От жары, надо полагать, — робко вставил Скворцов.

— Ну уж не знаю, от жары ли, от чего ли другого, — с некоторым неудовольствием ответил Радугин, — да и какая там в лесу жара! Это в поле, точно, было жарко, а там, я вам уже говорил, было довольно прохладно. Конечно, тепло, но не настолько все-таки, чтобы мерещиться невесть что стало. Как бы то ни было, сидит этакая противоестественная образина, — маленький такой, весь вершка в три. Весь зеленый. Сидит на каком-то сучке, хвостиком потряхивает и посмеивается. Рот до ушей, уши болтаются, — красавец, нечего сказать. И так я тогда растужился да размечтался, что нисколько не был удивлен появлением этой хари богомерзкой. И даже, — представьте! — говорю ему: «Хоть бы ты, немытька, мне помог». А он мне отвечает: «Что ж, помогу».

— Скажите! — с удивлением воскликнул Скворцов.

Радугин продолжал:

— Ну, слово за словом, разговорились мы с ним. Он мне и говорит: «Ты сам ничего не делаешь, ни уроков сам трудных не учи, ни работ не пиши. А есть такие ненужные людишки, которыми можно овладеть. Они на вид как будто и настоящие люди, и все у них на своем месте, и они все как все делают, а по-настоящему-то их и нет вовсе. Так, видимость только одна, а человека нет. Ни души у него, ни воли, ничего нет. Сам для себя он не нужен, а всю работу человеческую он может сделать почти как настоящий человек. Только надо его наставить, завести, как машину, а уж он пойдет и сделает все, что тебе надо». — Я его, понятно, спрашиваю: «Голубчик немытька, да научи, как же это сделать, будь благодетель». — А он говорит: «Для этого я дам тебе такой талисман». Сбегал куда-то очень проворно и принес мне вот эту штучку, которую я с тех пор храню как зеницу ока. Показать?

— Пожалуйста, покажите, это так интересно, — попросил Скворцов, улыбаясь нерешительно и не зная, очевидно, как относиться к словам хозяина, принять ли их в шутку или всерьез.

— А вы не боитесь? — спросил Радугин.

Его лицо вдруг сделалось строгим и значительным. Скворцов почувствовал себя почему-то неловко. Неуверенным голосом сказал он:

— Нет, чего же мне бояться. Пожалуйста, покажите.

Радугин опять усмехнулся. На этот раз жесткая и невеселая была у него улыбка. Тонем странной угрозы он сказал:

— Ну, смотрите, да только уж потом на меня не пеняйте, — сами захотели.

Не спеша вынул он из бокового кармана своей домашней инженерской тужурки небольшую записную книжку, медленно развернул ее и вытащил из ее кармашка маленький, плотной бумаги, конвертик. Глаза Скворцова с жадным любопытством приковались к белым и пухлым рукам хозяина. Радугин раскрыл конверт, не торопясь, слегка потрянул его над столом, — и из конверта выпал на стол небольшой, плотный, побуревший от времени, но еще совершенно целый лист какого-то дерева.

— Вот полюбуйте, — сказал Радугин, взял лист осторожно двумя пальцами и повертел его перед глазами Скворцова.

— Только-то? — радостно и удивленно спросил Скворцов. — Ну, это — предмет, не наводящий большого страха. А я, признаться, ожидал чего-нибудь неестественного.

Радугин осторожно вложил лист в конверт и, неторопливо убирая его на прежнее место, сказал холодно:

— Очень рад, что это вас не пугает. [Но только, милейший Иван Иванович, я должен вам сказать, что у меня было вот какое условие с лесным человечком: всякий, а также и всякая, кто увидит этот листок, с того самого момента поступает в полное мое распоряжение. Такое условие, и изменить его я не в силах.]

Скворцов пробормотал смущенно:

— То есть как же это? Что же это значит, я не совсем понимаю.

И вдруг он почувствовал во всем своем теле странную слабость и безволие. Руки его бессильно упали, голова поникла, и все мысли, казалось, в один миг вылетели.

Над ним звучал холодный и спокойный голос Радугина:

— Милейший Иван Иванович, ни своей души, ни своей воли у вас никогда не было, и вы только по недоразумению, впрочем, довольно распространенному, считали себя настоящим и полным человеком. Вам казалось, что вы поступаете по сознательным и разумным мотивам, что вы можете любить и ненавидеть, желать, стремиться, добиваться, радоваться и печалиться, строить свое благополучие и быть чьею-то опорой и надеждою. Ничего этого на самом деле не было, да и не могло быть. Вы жили, — если жили, — и двигались, — если двигались, — привычкою, наследственностью, культурою, случайными, живыми или мертвыми, волями разных людей и случайными сцеплениями разных обстоятельств, но своей воли, своей жизни, своего пафоса в вас никогда не было. Над низменным планом вашего существования никогда не трепетали в вольном полете орлиные крылья восторга и дерзновения. Вот, тайными чарами лесного бытия, волшебною волею первозданной природы я изъемлю вас из этого круговорота пошлой жизни и беру в мое обладание, чтобы ваш человекообразный и в общем довольно остроумно устроенный организм послужил настоящему человеческому деланию. Вот и все. — Что вы на это можете возразить?

Скворцов молчал. Лицо его ничего не выражало. Весь он был похож в эти минуты на очень хорошо сделанную куклу.

Радугин постоял немного около него. Усмехнулся. Тихо сказал:

— Замечательное отсутствие какого бы то ни было сопротивления. Первый раз приходится встречать такую совершенную пассивность.

Потом еще поближе подвинулся к Скворцову. Сказал громко и решительно:

— Ну, милейший, дайте-ка я обревизию ваш умственный и нравственный багаж. Что-то там у вас находится за вашей первою оболочкою?

Наклонился к Скворцову. Сказал совсем тихо какое-то невнятное слово. Точно легкое синеватое облачко перебежало от Радугина к Скворцову, изо рта в рот. И в тот же момент неожиданная и странная перемена произошла с обоими.

Радугин вдруг словно померк, осунулся, вялою походкою вернулся к своему креслу, повалился в него и безжизненно замер, и лицо его стало тускло и безвыразительно. Скворцов же вдруг встрепенулся. Встал очень быстро, как внезапно разбуженный чем-то бесконечно радостным. Засмеялся. Быстро заходил, почти забегал по кабинету. Лицо его стало веселым и оживленным. Все более быстрые движения и быстрая смена выражений на его лице показывали, что в нем происходит очень энергичная внутренняя работа. Но он почти ничего не говорил. Только несколько раз с его губ сорвались краткие слова справочного характера:

— В истекшем 1905 году.

— За номером 12557.

— Этот циркуляр издан еще при Петре Ивановиче.

Потом захохотал, — и смех его совсем не был похож на тот гаденький смешок, которым смеялся он раньше, — хохотал так самоуверенно и самодовольно, что хоть бы и Радугину впору. Бросился в свое кресло, и вдруг застыл в прежнем безжизненном положении, и лицо его опять стало тупым и безвыразительным, как у куклы.

В тот же миг легкое облачко, струистое, синевато-серое, пронеслось, как и в первый раз, между двумя собеседниками, только на этот раз в обратном направлении, и Радугин оживился. Открыл глаза, потянулся, встал, посмотрел с презрением на Скворцова и досадливо проворчал:

— Вот-то дубина стоеросовая! Из этого болвана немного пользы выскребешь. Чинодрал на редкость чистого типа. Впрочем, в свое время пригодится.

Потом подошел к Скворцову и сказал погромче:

— Ну-с, милейший Иван Иванович, просыпайтесь, вернитесь пока к вашей обманчиво самостоятельной жизни. Морочьте себя и других довольно неудачною подделкою под настоящего человека с живою душою. Я побывал в вашей коже, и когда мне понадобится механизм вашего тела, я вас возьму и сделаю вами что-нибудь, может быть, и дельное. Проснитесь.

Наклонился к лицу Скворцова и опять сказал какое-то невнятное слово.

Скворцов открыл глаза. Смущенно улыбнулся, точно его застали в чем-нибудь нехорошем. Забормотал:

— Никак я заснул?

— Был грех! — со смехом ответил Радугин. — Кажется, всхрапнули немножко.

Приятный сон видели, надо полагать?

Скворцов нерешительно говорил:

— Да, что-то снилось, только все забыл, что видел.

Радугин насмешливо улыбнулся. Сказал загадочно:

— Вспомните в свое время.

Посмотрел прямо в глаза Скворцова, подумал:

«Пора тебе и уходить».

И Скворцов, словно угадывая мысль хозяина, стал прощаться. Радугин его не удерживал.

1906

Текст 2.

Анализируя стихотворение А. Кушнера «Слово «нервный» сравнительно поздно...», обратите внимание на композиционные особенности текста, роль монолога и диалога в произведении, его связь с опытом и традициями русской литературы.

Александр Кушнер

* * *

Слово «нервный» сравнительно поздно

Появилось у нас в словаре

У некрасовской музыки нервозной

В петербургском промозгом дворе.

Даже лошадь нервически скоро

В его желчном трехсложнике шла,

Разночинная пылкая ссора

— — — — —
 — — — — —
 — — — — —
 — — — — —

трехсложник
 анализ

монолог

И в любви его темой была.
Крупный счет от модистки, и слезы,
И больной, истерический смех,
Исторически эти невроты

Объясняются болью за всех,
Переломным сознанием и бытом.
Эту нервность, и бледность, и пыл,
Что неведомы сильным и сытым,

Позже в женщинах Чехов ценил,
Меж двух зол это зло выбирая,
Если помните... ветер в полях,
Коврин, Тania, в саду дымовая

Горечь, слезы и черный монах.
А теперь и представить не в силах
Ровной жизни и мирной любви.

Что однажды блеснуло в чернилах,
То навеки осталось в крови.
Всех еще мы не знаем резервов,
Что еще обнаружат, бог весть,

Но спроси нас:- Нельзя ли без нервов?
— Как без нервов, когда они есть!-

Наши ссоры. Проклятые тряпки.
Сколько денег в июне ушло!

— Ты припомнил бы мне еще тапки.
— Ведь девятое только число,-

Это жизнь? Между прочим, и это,
И не самое худшее в ней.

Это жизнь, это душное лето,
Это шорох густых тополей,

Это гулкое хлопанье двери,
Это счастья неприбранный вид,

Это, кроме высоких материй,
То, что мучает всех и роднит.

спокойно

диалог

нервы

монолог

анафора

Максимальное количество баллов — 50

Ответ:

В представленном для анализа стихотворении А. Кушнера «Слово «нервной» сравнительно редко...» поднимается актуальная для нашего времени проблема — нервозность. Об этом свидетельствует неоднократное употребление однокоренных слов: «нервной», «нервной», «нервически», «невроты», «нервность», «нервов». Напряженность в разговорах и в отношениях между людьми, к

социально, стали неотъемлемой частью в нашей жизни. Об истории происхождения данной черты автор рассуждает в первой части стихотворения, выраженной в формате монолог, безусловно, являющейся очень важной составляющей для композиции и понимания стихотворения. Слово „нервной“ берет свои начала в творчестве известного русского поэта Некрасова, литературного деятеля, в своих произведениях обращаясь к социальным и народным проблемам того времени. Крестьяне, главные герои его произведений, не отличались удовлетворительными условиями, связанными с „переламными озаньями и ботами“, и, поскольку поэт ставил задачу отразить действительность, проблемы простого русского народа, его язык и настроение были достаточно резкими и „нервозными“, но от этого не менее глубокими.

Ваше лошады нервически око
 В его шельном трехсложнике шла,
 Разночинная полкая ссора
 И в любви его тещой была.

Как мы можем заметить, шельность некрасовского изложения затрагивала не ~~обновленную~~ и тещу любви, но обновленную нежную и трепетную. На специфическую речь поэта указывают следующие эпитеты: „в шельном трехсложнике“, „полкая ссора“, „больной, истерический смех“ „Эту нервность, и бледность, и пол... позже в шельниках Гегов ценил“, однако, в отличие от Некрасова, в его произведениях раскрывалась тема „равной жизни“ и мирной любви“, которую теперь и представить не в силах“.

Безусловно, литературного деятеля оставили огромный след в истории и сердцах ~~и душах~~ людей. Их произведения творения являются предметами уважения для многих, и, конечно, отраженная действительность того времени, резкость, „нервозность“ и глубина не могли же не оставить отпечаток в душах людей, не отразиться на нашем поколении:

Это однажды блистало в герниках,
 То навеки осталось в крови.

Действительность бота современного поколения проиллюстрирована в диалоге второй части стихотворения. Отношения

между людьми сопровождают ссоры по пустякам на пустом месте: царит непокидание, осуждение («наши ссоры», «Ты приполнил для мне еще тарки») Диалогичность сопровождается повышенным тоном и эмоциональностью, о чем свидетельствуют риторические восклицания: «Как без нервов, когда они есть!», «Сколько денег в шоне ушло!». Однако, несмотря на все распри, высказывающие негатив в отрицательные эмоции в жизни людей, их жизнь наполнена яркими красками, твое и положительными впечатлениями, способными перекрыть неприятные ощущения. — это прослеживается в третьей части произведения, также возвращенной в формате монолога. В диалогических строках автор выражает свое отношение к жизни, заключает в них основную мысль. Чтобы убедить читателя, А. Кушнер использует анафору («Это жизнь...», «Это шонех...», «Это лучшее хлопанье...»), а для усиления впечатления — эпитеты: «душное лето», «густых топаей», «неприкрашенный вид». Размерность, слаженность стихотворения определяются его размерами (трехстопной анапест), рифмовкой (перекрестная, чередование мужской и женской).

Выводы итог всему вышеказанному можно сделать вывод, что данное произведение наполнено глубоким смыслом, возвращенным через различные художественные средства выразительности.

- к1 15
- к2 7
- к3 3
- к4 3
- к5 9

Общее количество баллов 345

Подписи членов жюри Олеся - Зен

ЗАДАНИЕ 2

«Чужая речь мне будет оболочкой,
 И много прежде, чем я смел родиться,
 Я буквой был, был виноградной строчкой,
 Я книгой был, которая вам снится».

— писал в 1932 году Осип Мандельштам. Действительно, в XX веке «чужая речь», то есть поэтика цитат и аллюзий, стала привычным инструментом литераторов. Прочитайте два фрагмента стихотворений, в которых авторы использовали цитаты. Представьте, что вам необходимо написать небольшое эссе о «чужой речи» в литературе для научно-популярного просветительского сайта.

Чтобы эссе получилось содержательным, не забудьте следующие вопросы: Какие произведения процитировали авторы этих фрагментов? Какую задачу решают авторы с помощью «чужой речи»? Есть ли что-то общее у представленных текстов, чем они различаются? Приведите свой пример произведения, содержащего цитату, и сопоставьте его с приведенными двумя.

Фрагмент 1

....
Не улыбаясь и не плача,
Свой буйный укрощаю нрав,
Пророчествуя наудачу,
Всеведения не стяжав.

"глаголом жечь сердца людей"

Пушкин

По малодушию и чтобы
Страстного избежать венца,
Средь мира алчности и злобы
Глаголом я не жег сердца.

Фрагмент 2

....
И, на колени тихо становясь,
готовый и для смерти, и победы,
прошу смиренно помощи у вас,
великие российские поэты...

А.С. Пушкин

Дай, Пушкин, мне свою певучесть,
свою раскованную речь,
свою пленительную участь —
как бы шая, глаголом жечь.

"глаголом жечь сердца людей"

Раб нерадивый и лукавый,
Но на челе моем печать.
Мне пред Престолом Божьей славы
За всё придется отвечать.

Перматов → "Смерть поэта"

"И много шавное" "Притом"

тайноге сурово ззвими
Глеб Глинка, 1972.

Евгений Евтушенко, 1965.

Максимальное количество баллов — 20

Ответ:

"Чужая речь" — привычный инструмент литераторов, представляет собой поэтику цитат и аллюзий. К нему не раз обращались литературные деятели XX века. В их число входят и такие поэты, как Глеб Глинка и Евгений Евтушенко.

В своих произведениях они использовали цитату великого А.С. Пушкина "Глаголом жечь сердца людей". Авторы решают ряд задач. На первый взгляд можно думать, что литераторы используют цитату в первую очередь неопытному читателю, не умеющему анализировать произведения. Однако это не единственная причина использования данного приема — недостаток словарного запаса и фантазии. Однако это не единственная причина. С помощью "чужой речи" автор решает целый ряд задач.

Во-первых, безусловно, литературные деятели XX века подобно

образом возвращали ~~им~~ свое бесконечное уважение к столь великим личностям, напоминали об их творчестве и заслугах в истории искусства и литературы.

Во-вторых, как ~~нам~~ известно, Евгений Евтушенко являлся писателем-эмигрантом, и, ~~используя~~ ~~строчки~~ ~~обращаясь~~ ~~к~~ ~~стих~~ в своих ~~стихотворениях~~ к строкам русских поэтов, ~~он~~ ~~проявляет~~, ~~показывая~~ ~~это~~ ~~в~~ ~~наш~~ обращение в ~~его~~ стихотворениях к стихам русских поэтов — это не что иное, как проявление патриотизма, любви ^{уважения} к Родине и тоске по ней. Во втором фрагменте он обращается к А.С. Пушкину с просьбой:

Дай, Пушкин, мне свою певучесть,
свою раскованную речь,
свою плещительную участь —

как бы шала, глаголом шечь

Данные строчки ~~показывают~~ являются показателем того, что автора на дальнейшее творчество может вдохновить только отечественный писатель, его талант.

В-третьих, можно предположить, что ~~в~~ первый фрагмент является — это ответ автора на стихотворение М.Ю. Пермонтова "Смерть поэта" ~~Глеба Глинки~~ ~~не~~ ~~в~~ ~~стихах~~ ~~"Страстного~~ ~~убеждать~~ ~~венца"~~ ~~В~~ ~~стихотворении~~ ~~В~~ эпизоде стихотворения прослеживается тязелая участь неприятого обществом писателя, обреченного на печальную участь. Так схожая тема встречается и у М.Ю. Пермонтова. Более того, стихом Глеба Глина ⁵ ~~имеет~~ ⁵ ~~обладает~~ ⁵ ~~идентичность~~ синтаксической конструкции М.Ю. Пер автор строки автора "Смерти" поэта ("И на устах его печать"). Также оба автора использовали образ венца ("Страстного убеждать венца", "И ~~преж~~ они венец терновой, увитой лавром, надеи на него"), чела ("Но на челе моем печать", "Иголом ~~зв~~ тайное сурово здыли славное чело"), злого мира ("Средь мира алчности и злобы", "вступил он в этот мир, завистливый и душный...").

3-0-7-0-2

Общее количество баллов

125

Подписи членов жюри

Внес — Вещ

Литература

10 класс

Максимальное количество баллов – 70.

Общее время выполнения работы – 6 академических часов (270 мин.)

Внимательно прочитайте задания. Ответы записывайте в тетради, в виде связного, цельного, завершенного текста в прозаической форме. Задания можно выполнять в любом порядке. Соблюдайте правила русского языка и нормы речи. Дополнительные материалы и средства связи использовать не разрешается.

ЗАДАНИЕ 1. Комплексный анализ литературного произведения

Проведите комплексный анализ *одного* из двух художественных текстов, помещенных ниже (прозаического Текста 1 *или* поэтического Текста 2). Учитывайте инструкцию к ответу, расположенную перед текстом произведения. Работу выполняйте в связной и логичной форме, опираясь на знания в области теории и истории литературы.

Оцениваются навыки анализа и интерпретации произведения, логико-композиционная цельность сочинения, владение понятиями и терминами литературоведения, обращение к историко-литературному и культурному контекстам, грамотность.

Текст 1.

При аналитической работе с рассказом Ф. Сологуба обратите внимание на характеры главных персонажей, композиционное строение текста, роль и функцию фантастического в сюжете.

Федор Сологуб**Тело и душа**

Сидели двое после обеда и разговаривали.

Так начинаются многие рассказы. Нет никакой причины не начать точно так же и этот рассказ.

(Был ясный весенний день) Кабинет любезного хозяина в его городской квартире выходил окнами на шумную и людную улицу. Это не мешает заметить теперь же.

Хозяин был человек, давно и широко известный своею кипучею и успешною деятельностью. Гость его был во всех отношениях поплоче. Хозяина звали Георгий Алексеевич Радугин, гостя — Иван Иваныч Скворцов. Хозяин — инженер, гость — чиновник не из самых маленьких.

Хозяин сидел в кресле, слегка, но очень комфортабельно развалясь, и курил сигару очень дорогую и очень, на свежего человека, скверную. Был рад тому, что его сигара такая крепкая и такая вонючая и что от нее такой синий, медленно плывущий в воздухе, кружащий голову дым и такое резкое ощущение на языке. Гость посиживал на другом кресле, радостно ощущал приятную мягкость и удобную широкость кресла, покуривал сигару, данную гостеприимным хозяином, и с большим уважением поглядывал на хозяина. Сигара ему совсем не нравилась, — он предпочитал немецкие, дешевые и слащавые сигарки, свернутые, может быть, из новгородской капусты, но имеющие вид настоящих гаванских вонючек.

Такова ситуация. Разговор же состоял в том преимущественно, что гость удивлялся хозяину, хвалил его и льстил ему, а хозяин слегка хвастался, как человек, привыкший к тому, чтобы ему все удивлялись и чтобы его все хвалили.

Скворцов уже не в первый раз говорил:

— Как вы успеваете? Ей-богу, удивительно и даже поразительно, особенно в наш век, когда все жалуются и никто не хочет ничего делать. И как вы находите время на все ваши дела и предприятия? Право, можно подумать, что вы никогда не спите. Да что! Для другого и двадцати четырех часов в сутки было бы мало, чтобы все это сделать, — а вы как-то успеваете. Да еще везде бываете и всем интересуетесь. Ей-богу, поразительно.

Говорилось все это, конечно, довольно гнусным тенорком, почти фальцетом. Люди не слишком преуспевающие в жизни не имеют никаких оснований обладать другим голосом. Так бывает во всех рассказах, за исключением тех случаев, когда в расчеты автора входит поразить читателя контрастом, совершенно неожиданным. Но так как соль этого рассказа совсем иная, то в отношении голосов, фигур и всего прочего во внешних проявлениях действующих лиц не допущено автором отступлений от тех порядков, которые соблюдаются во всех повествованиях.

Поэтому для внимательного читателя почти не надо говорить о том, что хозяин, Радугин, говорил приятным, слегка сиповатым басом и обладал весьма представительной внешностью.

Итак, Радугин на излияния своего гостя отвечал приятным басом, любезно улыбаясь:

— Это вовсе не так удивительно, как вам кажется, милейший Иван Иваныч.

По внезапно вспыхнувшему в его глазах лукавым и бойким огонькам сразу стало понятно, что он расположен к некоторой откровенности. Оттого ли, что дело было после обеда, или оттого, что Скворцов оказал Радугину довольно крупную услугу. Скворцов вообще мог быть весьма полезен Радугину, — так сложились их деловые отношения, и такова была служебная обстановка Скворцова. В благодарность за последнее устроенное Скворцовым дело Радугин сегодня угощал его обедом.

Скворцов, радостно чувствуя, что хозяин расположен к откровенности, продолжал изливаться в выражениях удивления. Он думал, что откровенность Радугина влечет за собою новое, приятное в смысле личных выгод дело. Да и вообще откровенность знаменует собою дружеские отношения, а быть на короткой ноге с самим Радугиным, конечно, для всякого в положении Скворцова лестно.

Радугин посмотрел в окно. Засмеялся чему-то.

Встал и подошел к окну, — и синее облачко табачного дыма красиво потянулось за ним. Радугин позвал гостя:

— Иван Иваныч, подойдите-ка сюда, посмотрите-ка на эти две лестницы.

Иван Иваныч, заранее на всякий случай улыбаясь, подошел к окну, глянул туда, куда показывал ему хозяин, и опять перевел глаза на Радугина с выражением заинтересованности и вопроса.

Радугин спросил:

— Как вы думаете, Иван Иваныч, кто из этих двух молодцов раньше доберется до верху, красный или черный?

Скворцов быстро глянул в окно, опять повернулся, из вежливости и чтобы не заставлять ждать ответа, к Радугину и сказал:

— Понятно, красный раньше доберется, — он выше, а лезут они оба с одинаковым усердием.

Радугин самодовольно захохотал, как человек, хитро подловивший в чем-то другого. Тогда Скворцов поглядел на улицу повнимательнее и засмеялся тоже. К стене противоположного дома приставлена была лестница, и взбирался на нее зачем-то рабочий, молодой парень в красной рубашке. А на стену дома падала тень от лестницы, и казалось

при первом беглом взгляде, что две лестницы поставлены и что всходят по ним два человека, один в красной рубашке и другой в черной.

— Обман зрения удивительный, — говорил Скворцов и вежливо смеялся тем тоненьким гаденьким смешком, какой бывает только у маленьких человечков, когда они смеются сами над собой, чтобы угодить кому-нибудь большому и сильному.

Радугин отошел от окна, уселся опять поудобнее и сказал наставительно, с горы опыта и житейской мудрости:

— То-то вот обман зрения. Иногда обман зрения, иногда обман слуха, а иногда, глядишь, и кое-что более существенное навернется. Так-то вот и с моими заместителями.

Скворцов сторожко встрепенулся. Радугин помолчал, значительно и внимательно посмотрел на Скворцова и, видя, что интерес его весьма возбужден, самодовольно улыбнулся и продолжал:

— Никому я до сей поры об этих моих заместителях не рассказывал. А вот вам первому расскажу. Если вам не скучно послушать.

— Помилуйте, что вы говорите, — забеспокоился Скворцов, — я с величайшим вниманием и интересом выслушаю. Мне очень лестно, что вы меня удостаиваете вашей откровенности. Помилуйте, за счастье почитаю.

Даже покраснел от страха, что его может счесть Радугин не желающим выслушать.

— Хочется почему-то вам рассказать, — говорил Радугин, и видно было по его уверенному лицу и неторопливым движениям, что он и не ожидал иного ответа. — Правда, не без задней мысли. Да вот вы сами увидите сейчас в чем тут дело.

Скворцов радостно захихикал, всею фигурою выражая готовность служить с усердием и великим даже удовольствием.

— Вы думаете, я много работаю? — спросил Радугин, и хитрая усмешечка пробежала под его коротко подстриженными седеющими усами.

— Хе-хе-хе, шутить изволите! — весело ответил Скворцов. — Уж ежели вы не много работаете, то кто же тогда и работает!

— Да, вот все так думают, — продолжал Радугин, — а ничуть не бывало. Моя работоспособность — самая ординарная. Правда, что я не лентяй. И делаю я, точно, много. Так много, что и вы не поверите. Да и никто. Больше делаю, чем об этом знают мои друзья и недруги. Да-с, гораздо побольше. И делаю все это я не сам, а при помощи таких особых, запасных человечков. Как это вам понравится?

— Запасных? — робко спросил Скворцов.

Его лукавые серые глазенки воровато шмыгнули по всем углам просторного кабинета и опять уставились на хозяина с тревожным выражением любопытства и непонимания.

Радугин помолчал. Нахмурился. Внимательно посмотрел на Скворцова. Видно было, что раздумывает снова, стоит ли говорить совсем откровенно. Наконец решил. Уверенно усмехнулся. Бросил остаток сигары. Заговорил тоном рассказа, с приемами человека, привыкшего говорить и чтобы его слушали, — и Скворцов уселся поудобнее и поспокойнее, видя, что предстоит выслушать целую историю.

— Давно это самое дело у меня началось, еще когда я совсем зеленым мальчишкой был, — рассказывал Радугин. — Шел мне тогда пятнадцатый год. Жили мы летом в нашем имении, в Нижегородской губернии. Житье мне в то лето было совсем не привольное, потому что приставлен был ко мне некий, изрядно-таки нескладный и непокладливый студент. А приставлен ко мне он был по той горестной для меня причине, что предстояла мне осенью переэкзаменовка.

— Невесело, — участливо вздохнул Скворцов.

— Да-с, весьма невесело, — согласился Радугин. — Вырвешься когда на волю, только о том и думаешь, как бы удрать подальше от моего ментора, — осточертел он мне невообразимо. Вот однажды в жаркий день забрался я в лес, в самую чащу. Уселся там на краю какого-то нелепого и невзрачного оврага. Там, в поле, жарыща нестерпимая, — а

здесь, в лесной тиши, очень приятно — прохладно, и так смолкой пахнет, а внизу, в овраге, какие-то цветочки, метелки белые, на вид некрасивые, а туда же, пахнут довольно приятно. Сижую, глазею, то помечтаю, а то больше предаюсь грустным размышлениям о невеселых моих обстоятельствах. Отдыха настоящего за лето нет, а между тем скоро и осень настанет, и опять начнется несносное хождение в эту треклятую гимназию и постылый зубреж. Как вспомнишь какую-нибудь учительскую физиономию, так в жар и холод от отвращения кинет.

— Да-с, по большей части, несимпатичный народ, — поддакнул Скворцов.

Радугин лениво и слегка насмешливо глянул на Скворцова и продолжал рассказывать:

— Вдруг, — можете себе представить! — вижу перед собою лесного человека. Никогда раньше мне никакая чертовщина не являлась, а тут вдруг — извольте радоваться!

— От жары, надо полагать, — робко вставил Скворцов.

— Ну уж не знаю, от жары ли, от чего ли другого, — с некоторым неудовольствием ответил Радугин, — да и какая там в лесу жара! Это в поле, точно, было жарко, а там, я вам уже говорил, было довольно прохладно. Конечно, тепло, но не настолько все-таки, чтобы мерещиться невесте что стало. Как бы то ни было, сидит этакая противоестественная образина, — маленький такой, весь вершка в три. Весь зеленый. Сидит на каком-то сучке, хвостиком потряхивает и посмеивается. Рот до ушей, уши болтаются, — красавец, нечего сказать. И так я тогда растужился да размечтался, что нисколько не был удивлен появлением этой хари богомерзкой. И даже, — представьте! — говорю ему: «Хоть бы ты, немытька, мне помог». А он мне отвечает: «Что ж, помогу».

— Скажите! — с удивлением воскликнул Скворцов.

Радугин продолжал:

— Ну, слово за словом, разговорились мы с ним. Он мне и говорит: «Ты сам ничего не делаешь, ни уроков сам трудных не учи, ни работ не пиши. (А есть такие ненужные людишки, которыми можно овладеть. Они на вид как будто и настоящие люди, и все у них на своем месте, и они все как все делают, а по-настоящему-то их и нет вовсе. Так, видимость только одна, а человека нет. Ни души у него, ни воли, ничего нет. Сам для себя он не нужен, а всю работу человеческую он может сделать почти как настоящий человек. Только надо его наставить, завести, как машину, а уж он пойдет и сделает все, что тебе надо». — Я его, понятно, спрашиваю: «Голубчик немытька, да научи, как же это сделать, будь благодетель». — А он говорит: «Для этого я дам тебе такой талисман». Сбегал куда-то очень проворно и принес мне вот эту штучку, которую я с тех пор храню как зеницу ока. Показать?»

— Пожалуйста, покажите, это так интересно, — попросил Скворцов, улыбаясь нерешительно и не зная, очевидно, как относиться к словам хозяина, принять ли их в шутку или всерьез.

— А вы не боитесь? — спросил Радугин.

Его лицо вдруг сделалось строгим и значительным. Скворцов почувствовал себя почему-то неловко. Неуверенным голосом сказал он:

— Нет, чего же мне бояться. Пожалуйста, покажите.

Радугин опять усмехнулся. На этот раз жесткая и невеселая была у него улыбка. Тонем странной угрозы он сказал:

— Ну, смотрите, да только уж потом на меня не пеняйте, — сами захотели.

Не спеша вынул он из бокового кармана своей домашней инженерской тужурки небольшую записную книжку, медленно развернул ее и вытащил из ее кармашка маленький, плотной бумаги, конвертик. Глаза Скворцова с жадным любопытством приковались к белым и пухлым рукам хозяина. Радугин раскрыл конверт, не торопясь, слегка потряхнул его над столом, — и из конверта выпал на стол небольшой, плотный, побуревший от времени, но еще совершенно целый лист какого-то дерева.

— Вот полюбуйте, — сказал Радугин, взял лист осторожно двумя пальцами и повертел его перед глазами Скворцова.

— Только-то? — радостно и удивленно спросил Скворцов. — Ну, это — предмет, не наводящий большого страха. А я, признаться, ожидал чего-нибудь неестественного.

Радугин осторожно вложил лист в конверт и, неторопливо убирая его на прежнее место, сказал холодно:

— Очень рад, что это вас не пугает. Но только, милейший Иван Иванович, я должен вам сказать, что у меня было вот какое условие с лесным человечком: всякий, а также и всякая, кто увидит этот листок, с того самого момента поступает в полное мое распоряжение. Такое условие, и изменить его я не в силах.

Скворцов пробормотал смущенно:

— То есть как же это? Что же это значит, я не совсем понимаю.

И вдруг он почувствовал во всем своем теле странную слабость и безволие. Руки его бессильно упали, голова поникла, и все мысли, казалось, в один миг вылетели.

Над ним звучал холодный и спокойный голос Радугина:

— Милейший Иван Иванович, ни своей души, ни своей воли у вас никогда не было, и вы только по недоразумению, впрочем, довольно распространенному, считали себя настоящим и полным человеком. Вам казалось, что вы поступаете по сознательным и разумным мотивам, что вы можете любить и ненавидеть, желать, стремиться, добиваться, радоваться и печалиться, строить свое благополучие и быть чьею-то опорой и надеждой. Ничего этого на самом деле не было, да и не могло быть. Вы жили, — если жили, — и двигались, — если двигались, — привычкою, наследственностью, культурой, случайными, живыми или мертвыми, волями разных людей и случайными сцеплениями разных обстоятельств, но своей воли, своей жизни, своего пафоса в вас никогда не было. Над низменным планом вашего существования никогда не трепетали в вольном полете орлиные крылья восторга и дерзновения. Вот, тайными чарами лесного бытия, волшебною волею первозданной природы я изъеблю вас из этого круговорота пошлой жизни и беру в мое обладание, чтобы ваш человекообразный и в общем довольно остроумно устроенный организм послужил настоящему человеческому деланию. Вот и все. — Что вы на это можете возразить?

Скворцов молчал. Лицо его ничего не выражало. Весь он был похож в эти минуты на очень хорошо сделанную куклу.

Радугин постоял немного около него. Усмехнулся. Тихо сказал:

— Замечательное отсутствие какого бы то ни было сопротивления. Первый раз приходится встречать такую совершенную пассивность.

Потом еще поближе подвинулся к Скворцову. Сказал громко и решительно:

— Ну, милейший, дайте-ка я обревизирую ваш умственный и нравственный багаж. Что-то там у вас находится за вашей первой оболочкою?

Наклонился к Скворцову. Сказал совсем тихо какое-то невнятное слово. Точно легкое синеватое облачко перебежало от Радугина к Скворцову, изо рта в рот. И в тот же момент неожиданная и странная перемена произошла с обоими.

Радугин вдруг словно померк, осунулся, вялою походкою вернулся к своему креслу, повалился в него и безжизненно замер, и лицо его стало тускло и безвыразительно. Скворцов же вдруг встрепенулся. Встал очень быстро, как внезапно разбуженный чем-то бесконечно радостным. Засмеялся. Быстро заходил, почти забегал по кабинету. Лицо его стало веселым и оживленным. Все более быстрые движения и быстрая смена выражений на его лице показывали, что в нем происходит очень энергичная внутренняя работа. Но он почти ничего не говорил. Только несколько раз с его губ сорвались краткие слова справочного характера:

— В истекшем 1905 году.

— За номером 12557.

— Этот циркуляр издан еще при Петре Ивановиче.

Потом захохотал, — и смех его совсем не был похож на тот гаденький смешок, которым смеялся он раньше, — хохотал так самоуверенно и самодовольно, что хоть бы и Радугину впору. Бросился в свое кресло, и вдруг застыл в прежнем безжизненном положении, и лицо его опять стало тупым и безвыразительным, как у куклы.

В тот же миг легкое облачко, струистое, синевато-серое, пронеслось, как и в первый раз, между двумя собеседниками, только на этот раз в обратном направлении, и Радугин оживился. Открыл глаза, потянулся, встал, посмотрел с презрением на Скворцова и досадливо проворчал:

— Вот-то дубина стоеросовая! Из этого болвана немного пользы выскребешь. Чинодрал на редкость чистого типа. Впрочем, в свое время пригодится.

Потом подошел к Скворцову и сказал погромче:

— Ну-с, милейший Иван Иваныч, просыпайтесь, вернитесь пока к вашей обманчиво самостоятельной жизни. Морочьте себя и других довольно неудачною подделкою под настоящего человека с живою душою. Я побывал в вашей коже, и когда мне понадобится механизм вашего тела, я вас возьму и сделаю вами что-нибудь, может быть, и дельное. Проснитесь.

Наклонился к лицу Скворцова и опять сказал какое-то невнятное слово.

Скворцов открыл глаза. Смущенно улыбнулся, точно его застали в чем-нибудь нехорошем. Забормотал:

— Никак я заснул?

— Был грех! — со смехом ответил Радугин. — Кажется, всхрапнули немножко. Приятный сон видели, надо полагать?

Скворцов нерешительно говорил:

— Да, что-то снилось, только все забыл, что видел.

Радугин насмешливо улыбнулся. Сказал загадочно:

— вспомните в свое время.

Посмотрел прямо в глаза Скворцова, подумал:

«Пора тебе и уходить».

И Скворцов, словно угадывая мысль хозяина, стал прощаться. Радугин его не удерживал.

1906

Текст 2.

Анализируя стихотворение А.Кушнера «Слово «нервный» сравнительно поздно...», обратите внимание на композиционные особенности текста, роль монолога и диалога в произведении, его связь с опытом и традициями русской литературы.

Александр Кушнер

* * *

Слово «нервный» сравнительно поздно
 Появилось у нас в словаре
 У некрасовской музы нервнойной
 В петербургском промозглом дворе.
 Даже лошадь нервически скоро
 В его желчном трехсложнике шла,
 Разночинная пыльная ссора

И в любви его темой была.
 Крупный счет от модистки, и слезы,
 И больной, истерический смех,
 Исторически эти невроты
 Объясняются болью за всех,
 Переломным сознанием и бытом.
 Эту нервность, и бледность, и пыл,
 Что неведомы сильным и сытым,
 Позже в женщинах Чехов ценил,
 Меж двух зол это зло выбирая,
 Если помните... ветер в полях,
 Коврин, Таня, в саду дымовая
 Горечь, слезы и черный монах.
 А теперь и представить не в силах
 Ровной жизни и мирной любви.
 Что однажды блеснуло в чернилах,
 То навеки осталось в крови.
 Всех еще мы не знаем резервов,
 Что еще обнаружат, бог весть,
 Но спроси нас:- Нельзя ли без нервов?
 — Как без нервов, когда они есть!-
 Наши ссоры. Проклятые тряпки.
 Сколько денег в июне ушло!
 — Ты припомнил бы мне еще тапки.
 — Ведь девятое только число,-
 Это жизнь? Между прочим, и это,
 И не самое худшее в ней.
 Это жизнь, это душное лето,
 Это шорох густых тополей,
 Это гулкое хлопанье двери,
 Это счастья неприбранный вид,
 Это, кроме высоких материй,
 То, что мучает всех и роднит.

Максимальное количество баллов — 50

Ответ:

Текст 1.

За свою жизнь я прочла много разных рассказов,
 романов, давно знакома со многими темами литера-
 туры: моды, дружбы, дома, маленького человека. Но
 впервые я встретила с темой рабства в рассказе
 П. Саломба, которая очень четко прослеживается в этом

произведении в характерах героев.

Табаскар насмехается, по мнению автора как многие другие, и Соловуб не видит причин выделять его особым выделением. Уже из этого можно заключить, что какаэ бы она ни была, ведь не является нам неизвестной, что и в обычной жизни мы встречаемся с явлениями, описанными в рассказе.

Так же и при знакомстве с главными героями мы никуда не уводимся, ведь эти характеры нам известны: хозяин — инженер, любезный и известный во всем преуспевающий, с прекрасным именем Георгием Алексеевичем Радушиным; гость — чиновник, «во всех отношениях поплотнее», Рабуш его Иваном Ивановичем Скворцовым.

Радушин — человек необычайно резвого характера, любезный, радостный. Он резко контрастирует со своим гостем. Обычно автор выделяет во внешнем портрете различные тембры голосов своих героев: у хозяина приятный бас, а у гостя «гнусный тенорак». Такие разные людей объединяют деловые отношения, которые строятся именно на разности их характеров.

В продолжении всего разговора Скворцов мстит Радушину, который по привычке «слегка хвастался». Хозяин здесь занимает положение человека, невольно помыкающего гостем. С самого начала мы видим, что Радушин имеет власть над Скворцовым, хотя формально тот совершенно свободен. Этот чиновник связан «кованым подобострастием», заставляющим его мстить, прислушиваясь влиятельным людям. Он всё время боится обидеть такое значительное лицо, как Георгий Алексеевич.

Кульминация сюжета происходит в тот момент, когда Радушин решает показать забавенному рассказом гостю свой тамбур и раскрыть свою тайну. Совершенно неожиданным для Скворцова и читателя оказался секрет хозяина, способного поработить «неуженных модшешек». С помощью тамбура Радушин мстит чиновника воли, сделал своим слугой, рабом.

Но что же поменялось? Лишь только, то, что Радушин теперь может управлять телом и мыслями чи-

новника. Но если посмотреть с другой стороны, Скворцов не имел свободы и раньше. Он пресмыкался у ног Радуш-на, притворялся, что ему нравится старая, предложенная хозяйном, старался во всем ему угодить. Нет, ничего не изменилось: он не стал рабом, а остался им.

Не зря Радуши назван хозяйном, а Скворцов гостем, есть и в контексте квартиры. В реальной жизни общество так же делится на хозяев и рабов. Одни помыкают друими. И как бы не менялось общество, рабство, бывшее в древние времена законным и освященным в Египте, Риме и других цивилизованных странах, остается и сейчас, но его можно заметить не только в виде физического труда на благо хозяину, но также и в самоунижении перед людьми, занимающими более выгодное положение. Это жизнь не своими, а чужими интересами. Автор всеми силами пытается втолковать нас от иллюзорного существования, нуая нас фразой Радушина: „Моросьте себя и других довольно неудачно подделкою под настоящего человека с живую душою“

з. 1

к 1 155
к 2 75
к 3 35
к 4 0
к 5 3

Общее количество баллов

285

Подписи членов жюри

з. 2

к-1 0
к 2 0
к 3 7
к 4 0

к 5 - 2 / 95

285 375

Омск - Омск

ЗАДАНИЕ 2

«Чужая речь мне будет оболочкой,
И много прежде, чем я смел родиться,
Я буквой был, был виноградной строчкой,
Я книгой был, которая вам снится».

— писал в 1932 году Осип Мандельштам. Действительно, в XX веке «чужая речь», то есть поэтика цитат и аллюзий, стала привычным инструментом литераторов. Прочитайте два фрагмента стихотворений, в которых авторы использовали цитаты. Представьте, что вам необходимо написать небольшое эссе о «чужой речи» в литературе для научно-популярного просветительского сайта.

Чтобы эссе получилось содержательным, не забудьте следующие вопросы: 1) Какие произведения процитировали авторы этих фрагментов? 2) Какую задачу решают авторы с помощью «чужой речи»? 3) Есть ли что-то общее у представленных текстов, чем они различаются? 4) Приведите свой пример произведения, содержащего цитату, и сопоставьте его с приведенными двумя.

Фрагмент 1

....
Не улыбаясь и не плача,
Свой буйный укрощаю нрав,
Пророчествуя наудачу,
Всеведения не стяжав.

По малодушию и чтобы
Страстного избежать венца,
Средь мира алчности и злобы
Глаголом я не жег сердца.

Раб нерадивый и лукавый,
Но на челе моем печать.
Мне пред Престолом Божьей славы
За всё придется отвечать.

....

Глеб Глинка, 1972.

Фрагмент 2

...
И, на колени тихо становясь,
готовый и для смерти, и победы,
прошу смиренно помощи у вас,
великие российские поэты...

Дай, Пушкин, мне свою певучесть,
свою раскованную речь,
свою пленительную участь —
как бы шалья, глаголом жечь.

...

Евгений Евтушенко, 1965.

Максимальное количество баллов — 20

Ответ:

В первом фрагменте представлен отрывок стихотворения Глеба Глинки, цитирующего в нём «Пророка» А.С. Пушкина.

Так как «чужая речь» весьма распространена и в наше время, то можно встретить много произведений, содержащих цитирование. В основном этот приём помогает обратить говорящему внимание слушателя на себя, придать речи торжественность.

В первом фрагменте автор цитирует А.С. Пушкина с целью создания яркого противопоставления себя с ним. Это работает благодаря тому, что мы слыша интерпретацию знакомого стихотворения, невольно вспоминаем его, вновь окунаемся в красоту стихотворного слова А.С. Пушкина, в стремительные порывы, в баш, радость и другие чувства цитируемого поэта. Мы покидаем насколько так был прекрасен. И только так можно осознать всю глупость противопоставления, смысл стихотворения. Автор, указывая нам на орен ма-

вы, А.С. Пушкина, низвергает себя в бездну, тем самым заставляя и нас сопереживать ему в падении.

В отличие от Т. Тютчева Е. Евтушенко, обращаясь к стихам умершего поэта, как бы просит напутствия и поддержки у него («прошу широкую помощь у вас, великие русские поэты...»). Главным замыслом здесь является не противопоставление, а желание автора встать в будущем в один ряд с русскими классиками. Он хочет, чтобы и его имя не было забыто. Для этого поэт, не унижая себя, просит помощи и надеется.

Таким образом, важное различие между цитированием в Фрагменте 1 и в Фрагменте 2 заключается в том, что Тютчев уже низвержен, он не хвалит себя и не желает встать в один ряд с А.С. Пушкиным, он смирился, признал свои грехи, но не грезит их искуплением. Напротив, Евтушенко похож на человека, отправляющегося в дальнюю дорогу и просящего благословения у отца. Он верит в свои силы и в свое будущее.

Очень важно верить.

Именно так можно раскрыть мысль авторов двух представленных отрывков. Так ярко представить свои идеи или помочь цитирование, звучащее как дань поэзии умершему поэту.

Но цитирование может играть и другую роль. Например, в книге В. Цорна «Творим ли речь через эволюцию?» «чужая речь» представлена высказываниями ученых, верящих в различные теории сотворения мира. Так автор книги сопоставляет свои мысли с мыслями других людей, придает речи или вес. Таким образом цитирование может играть роль более весомого аргумента, а в некоторых случаях и непреложной истины.

0-0-7-0-2

Общее количество баллов

95

Подписи членов жюри

Окрас
Вели

Предложение Захариев И
Может быть, за образам Рагузина сори-
ваном партия, правившая в то время и
распоряжавшаяся людьми и свободным
временем людей. К сожалению, в наше
время в образе Рагузина можно увидеть
многих бизнесменов и людей, находящихся
се на руководящих должностях. Все стре-
мится к власти и грабительно людям, и
из-за этого данный рассказ будет актуа-
лен еще долгое время.

В заключение хочу сказать, что
это произведение заставит людей задумать-
ся, не являются ли они слепыми ведомыми и
залпными людьми. И может быть, это
поможет людям понять, что нужно иметь
собственное мнение, а не подражать тем,
кто выше по званию, старше или просто
имеет больше влияния и власти.

Литература

10 класс

Максимальное количество баллов – 70.

Общее время выполнения работы – 6 академических часов (270 мин.)

Внимательно прочитайте задания. Ответы записывайте в тетради, в виде связного, цельного, завершенного текста в прозаической форме. Задания можно выполнять в любом порядке. Соблюдайте правила русского языка и нормы речи. Дополнительные материалы и средства связи использовать не разрешается.

ЗАДАНИЕ 1. Комплексный анализ литературного произведения

Проведите комплексный анализ *одного* из двух художественных текстов, помещенных ниже (прозаического Текста 1 *или* поэтического Текста 2). Учитывайте инструкцию к ответу, расположенную перед текстом произведения. Работу выполняйте в связной и логичной форме, опираясь на знания в области теории и истории литературы.

Оцениваются навыки анализа и интерпретации произведения, логико-композиционная цельность сочинения, владение понятиями и терминами литературоведения, обращение к историко-литературному и культурному контекстам, грамотность.

Текст 1.

При аналитической работе с рассказом Ф. Сологуба обратите внимание на характеры главных персонажей, композиционное строение текста, роль и функцию фантастического в сюжете.

Федор Сологуб

Тело и душа

Сидели двое после обеда и разговаривали.

Так начинаются многие рассказы. Нет никакой причины не начать точно так же и этот рассказ.

Был ясный весенний день. Кабинет любезного хозяина в его городской квартире выходил окнами на шумную и людную улицу. Это не мешает заметить теперь же.

Хозяин был человек, давно и широко известный своею кипучею и успешною деятельностью. Гость его был во всех отношениях поплоче. Хозяина звали Георгий Алексеевич Радугин, гостя — Иван Иваныч Скворцов. Хозяин — инженер, гость — чиновник не из самых маленьких.

Хозяин сидел в кресле, слегка, но очень комфортабельно развалившись, и курил сигару очень дорогую и очень, на свежего человека, скверную. Был рад тому, что его сигара такая крепкая и такая вонючая и что от нее такой синий, медленно плывущий в воздухе, кружащий голову дым и такое резкое ощущение на языке. Гость посиживал на другом кресле, радостно ощущал приятную мягкость и удобную широкость кресла, покуривал сигару, данную гостеприимным хозяином, и с большим уважением поглядывал на хозяина. Сигара ему совсем не нравилась, — он предпочитал немецкие, дешевые и слащавые сигарки, свернутые, может быть, из новгородской капусты, но имеющие вид настоящих гаванских вонючек.

Такова ситуация. Разговор же состоял в том преимущественно, что гость удивлялся хозяину, хвалил его и льстил ему, а хозяин слегка хвастался, как человек, привыкший к тому, чтобы ему все удивлялись и чтобы его все хвалили.

Скворцов уже не в первый раз говорил:

— Как вы успеваете? Ей-богу, удивительно и даже поразительно, особенно в наш век, когда все жалуются и никто не хочет ничего делать. И как вы находите время на все ваши дела и предприятия? Право, можно подумать, что вы никогда не спите. Да что! Для другого и двадцати четырех часов в сутки было бы мало, чтобы все это сделать, — а вы как-то успеваете. Да еще везде бываете и всем интересуетесь. Ей-богу, поразительно.

Говорилось все это, конечно, довольно гнусным тенорком, почти фальцетом. Люди не слишком преуспевшие в жизни не имеют никаких оснований обладать другим голосом. Так бывает во всех рассказах, за исключением тех случаев, когда в расчеты автора входит поразить читателя контрастом, совершенно неожиданным. Но так как соль этого рассказа совсем иная, то в отношении голосов, фигур и всего прочего во внешних проявлениях действующих лиц не допущено автором отступлений от тех порядков, которые соблюдаются во всех повествованиях.

Поэтому для внимательного читателя почти не надо говорить о том, что хозяин, Радугин, говорил приятным, слегка сиповатым басом и обладал весьма представительною внешностью.

Итак, Радугин на излияния своего гостя отвечал приятным басом, любезно улыбаясь:

— Это вовсе не так удивительно, как вам кажется, милейший Иван Иваныч.

По внезапно вспыхнувшему в его глазах лукавым и бойким огонькам сразу стало понятно, что он расположен к некоторой откровенности. Оттого ли, что дело было после обеда, или оттого, что Скворцов оказал Радугину довольно крупную услугу. Скворцов вообще мог быть весьма полезен Радугину, — так сложились их деловые отношения, и такова была служебная обстановка Скворцова. В благодарность за последнее устроенное Скворцовым дело Радугин сегодня угощал его обедом.

Скворцов, радостно чувствуя, что хозяин расположен к откровенности, продолжал изливаться в выражениях удивления. Он думал, что откровенность Радугина влечет за собою новое, приятное в смысле личных выгод дело. Да и вообще откровенность знаменует собою дружеские отношения, а быть на короткой ноге с самим Радугиным, конечно, для всякого в положении Скворцова лестно.

Радугин посмотрел в окно. Засмеялся чему-то.

Встал и подошел к окну, — и синее облачко табачного дыма красиво потянулось за ним. Радугин позвал гостя:

— Иван Иваныч, подойдите-ка сюда, посмотрите-ка на эти две лестницы.

Иван Иваныч, заранее на всякий случай улыбаясь, подошел к окну, глянул туда, куда показывал ему хозяин, и опять перевел глаза на Радугина с выражением заинтересованности и вопроса.

Радугин спросил:

— Как вы думаете, Иван Иваныч, кто из этих двух молодцов раньше доберется до верху, красный или черный?

Скворцов быстро глянул в окно, опять повернулся, из вежливости и чтобы не заставлять ждать ответа, к Радугину и сказал:

— Понятно, красный раньше доберется, — он выше, а лезут они оба с одинаковым усердием.

Радугин самодовольно захохотал, как человек, хитро подловивший в чем-то другого. Тогда Скворцов поглядел на улицу повнимательнее и засмеялся тоже. К стене противоположного дома приставлена была лестница, и взбирался на нее зачем-то рабочий, молодой парень в красной рубашке. А на стену дома падала тень от лестницы, и казалось

при первом беглом взгляде, что две лестницы поставлены и что всходят по ним два человека, один в красной рубашке и другой в черной.

— Обман зрения удивительный, — говорил Скворцов и вежливо смеялся тем тоненьким гаденьким смешком, какой бывает только у маленьких человечков, когда они смеются сами над собой, чтобы угодить кому-нибудь большому и сильному.

Радугин отошел от окна, уселся опять поудобнее и сказал наставительно, с горы опыта и житейской мудрости:

— То-то вот обман зрения. Иногда обман зрения, иногда обман слуха, а иногда, глядишь, и кое-что более существенное навернется. Так-то вот и с моими заместителями.

Скворцов сторожко встрепенулся. Радугин помолчал, значительно и внимательно посмотрел на Скворцова и, видя, что интерес его весьма возбужден, самодовольно улыбнулся и продолжал:

— Никому я до сей поры об этих моих заместителях не рассказывал. А вот вам первому расскажу. Если вам не скучно послушать.

— Помилуйте, что вы говорите, — забеспокоился Скворцов, — я с величайшим вниманием и интересом выслушаю. Мне очень лестно, что вы меня удостаиваете вашей откровенности. Помилуйте, за счастье почитаю.

Даже покраснел от страха, что его может счесть Радугин не желающим выслушать.

— Хочется почему-то вам рассказать, — говорил Радугин, и видно было по его уверенному лицу и неторопливым движениям, что он и не ожидал иного ответа. — Правда, не без задней мысли. Да вот вы сами увидите сейчас в чем тут дело.

Скворцов радостно захихикал, всею фигурою выражая готовность служить с усердием и великим даже удовольствием.

— Вы думаете, я много работаю? — спросил Радугин, и хитрая усмешечка пробежала под его коротко подстриженными сидящими усами.

— Хе-хе-хе, шутить извольте! — весело ответил Скворцов. — Уж ежели вы не много работаете, то кто же тогда и работает!

— Да, вот все так думают, — продолжал Радугин, — а ничуть не бывало. Моя работоспособность — самая ordinaria. Правда, что я не лентяй. И делаю я, точно, много. Так много, что и вы не поверите. Да и никто. Больше делаю, чем об этом знают мои друзья и недруги. Да-с, гораздо побольше. И делаю все это я не сам, а при помощи таких особых, запасных человечков. Как это вам понравится?

— Запасных? — робко спросил Скворцов.

Его лукавые серые глазенки воровато шмыгнули по всем углам просторного кабинета и опять усталились на хозяина с тревожным выражением любопытства и непонимания.

Радугин помолчал. Нахмурился. Внимательно посмотрел на Скворцова. Видно было, что раздумывает снова, стоит ли говорить совсем откровенно. Наконец решил. Уверенно усмехнулся. Бросил остаток сигары. Заговорил тоном рассказа, с приемами человека, привыкшего говорить и чтобы его слушали, — и Скворцов уселся поудобнее и поспокойнее, видя, что предстоит выслушать целую историю.

— Давно это самое дело у меня началось, еще когда я совсем зеленым мальчишкой был, — рассказывал Радугин. — Шел мне тогда пятнадцатый год. Жили мы летом в нашем имении, в Нижегородской губернии. Житье мне в то лето было совсем не привольное, потому что приставлен был ко мне некий, изрядно-таки нескладный и непокладливый студент. А приставлен ко мне он был по той горестной для меня причине, что предстояла мне осенью переэкзаменовка.

— Невесело, — участливо вздохнул Скворцов.

— Да-с, весьма невесело, — согласился Радугин. — Вырвешься когда на волю, только о том и думаешь, как бы удрать подальше от моего ментора, — осточертел он мне невообразимо. Вот однажды в жаркий день забрался я в лес, в самую чащу. Уселся там на краю какого-то нелепого и невзрачного оврага. Там, в поле, жарница нестерпимая, — а

здесь, в лесной тиши, очень приятно — прохладно, и так смолкой пахнет, а внизу, в овраге, какие-то цветочки, метелки белые, на вид некрасивые, а туда же, пахнут довольно приятно. Сижу, глазею, то помечтаю, а то больше предаюсь грустным размышлениям о невеселых моих обстоятельствах. Отдыха настоящего за лето нет, а между тем скоро и осень настанет, и опять начнется несносное хождение в эту треклятую гимназию и постылый зубреж. Как вспомнишь какую-нибудь учительскую физиономию, так в жар и холод от отвращения кинет.

— Да-с, по большей части, несимпатичный народ, — поддакнул Скворцов.

Радугин лениво и слегка насмешливо глянул на Скворцова и продолжал рассказывать:

— Вдруг, — можете себе представить! — вижу перед собою лесного человека. Никогда раньше мне никакая чертовщина не являлась, а тут вдруг — извольте радоваться!

— От жары, надо полагать, — робко вставил Скворцов.

— Ну уж не знаю, от жары ли, от чего ли другого, — с некоторым неудовольствием ответил Радугин, — да и какая там в лесу жара! Это в поле, точно, было жарко, а там, я вам уже говорил, было довольно прохладно. Конечно, тепло, но не настолько все-таки, чтобы мерещиться невесте что стало. Как бы то ни было, сидит этакая противоестественная образина, — маленький такой, весь вершка в три. Весь зеленый. Сидит на каком-то сучке, хвостиком потряхивает и посмеивается. Рот до ушей, уши болтаются, — красавец, нечего сказать. И так я тогда растужился да размечтался, что несколько не был удивлен появлением этой хари богомерзкой. И даже, — представьте! — говорю ему: «Хоть бы ты, немытька, мне помог». А он мне отвечает: «Что ж, помогу».

— Скажите! — с удивлением воскликнул Скворцов.

Радугин продолжал:

— Ну, слово за словом, разговорились мы с ним. Он мне и говорит: «Ты сам ничего не делаешь, ни уроков сам трудных не учи, ни работ не пиши. А есть такие ненужные людишки, которыми можно овладеть. Они на вид как будто и настоящие люди, и все у них на своем месте, и они все как все делают, а по-настоящему-то их и нет вовсе. Так, видимость только одна, а человека нет. Ни души у него, ни воли, ничего нет. Сам для себя он не нужен, а всю работу человеческую он может сделать почти как настоящий человек. Только надо его наставить, завести, как машину, а уж он пойдет и сделает все, что тебе надо». — Я его, понятно, спрашиваю: «Голубчик немытька, да научи, как же это сделать, будь благодетель». — А он говорит: «Для этого я дам тебе такой талисман». Сбегал куда-то очень проворно и принес мне вот эту штучку, которую я с тех пор храню как зеницу ока. Показать?»

— Пожалуйста, покажите, это так интересно, — попросил Скворцов, улыбаясь нерешительно и не зная, очевидно, как относиться к словам хозяина, принять ли их в шутку или всерьез.

— А вы не боитесь? — спросил Радугин.

Его лицо вдруг сделалось строгим и значительным. Скворцов почувствовал себя почему-то неловко. Неуверенным голосом сказал он:

— Нет, чего же мне бояться. Пожалуйста, покажите.

Радугин опять усмехнулся. На этот раз жесткая и невеселая была у него улыбка. Тонем странной угрозы он сказал:

— Ну, смотрите, да только уж потом на меня не пеняйте, — сами захотели.

Не спеша вынул он из бокового кармана своей домашней инженерской тужурки небольшую записную книжку, медленно развернул ее и вытащил из ее кармашка маленький, плотной бумаги, конвертик. Глаза Скворцова с жадным любопытством приковались к белым и пухлым рукам хозяина. Радугин раскрыл конверт, не торопясь, слегка потрянул его над столом, — и из конверта выпал на стол небольшой, плотный, побуревший от времени, но еще совершенно целый лист какого-то дерева.

— Вот полюбуйте, — сказал Радугин, взял лист осторожно двумя пальцами и повертел его перед глазами Скворцова.

— Только-то? — радостно и удивленно спросил Скворцов. — Ну, это — предмет, не наводящий большого страха. А я, признаться, ожидал чего-нибудь неестественного.

Радугин осторожно вложил лист в конверт и, неторопливо убирая его на прежнее место, сказал холодно:

— Очень рад, что это вас не пугает. Но только, милейший Иван Иванович, я должен вам сказать, что у меня было вот какое условие с лесным человечком: всякий, а также и всякая, кто увидит этот листок, с того самого момента поступает в полное мое распоряжение. Такое условие, и изменить его я не в силах.

Скворцов пробормотал смущенно:

— То есть как же это? Что же это значит, я не совсем понимаю.

И вдруг он почувствовал во всем своем теле странную слабость и безволие. Руки его бессильно упали, голова поникла, и все мысли, казалось, в один миг вылетели.

Над ним звучал холодный и спокойный голос Радугина:

— Милейший Иван Иванович, ни своей души, ни своей воли у вас никогда не было, и вы только по недоразумению, впрочем, довольно распространенному, считали себя настоящим и полным человеком. Вам казалось, что вы поступаете по сознательным и разумным мотивам, что вы можете любить и ненавидеть, желать, стремиться, добиваться, радоваться и печалиться, строить свое благополучие и быть чьею-то опорой и надеждой. Ничего этого на самом деле не было, да и не могло быть. Вы жили, — если жили, — и двигались, — если двигались, — привычкою, наследственностью, культурою, случайными, живыми или мертвыми, волями разных людей и случайными сцеплениями разных обстоятельств, но своей воли, своей жизни, своего пафоса в вас никогда не было. Над неизменным планом вашего существования никогда не трепетали в вольном полете орлиные крылья восторга и дерзновения. Вот, тайными чарами лесного бытия, волшебною волею первозданной природы я изъеблю вас из этого круговорота пошлой жизни и беру в мое обладание, чтобы ваш человекообразный и в общем довольно остроумно устроенный организм послужил настоящему человеческому деланию. Вот и все. — Что вы на это можете возразить?

Скворцов молчал. Лицо его ничего не выражало. Весь он был похож в эти минуты на очень хорошо сделанную куклу.

Радугин постоял немного около него. Усмехнулся. Тихо сказал:

— Замечательное отсутствие какого бы то ни было сопротивления. Первый раз приходится встречать такую совершенную пассивность.

Потом еще поближе подвинулся к Скворцову. Сказал громко и решительно:

— Ну, милейший, дайте-ка я обревирую ваш умственный и нравственный багаж. Что-то там у вас находится за вашею первою оболочкою?

Наклонился к Скворцову. Сказал совсем тихо какое-то невнятное слово. Точно легкое синеватое облачко перебежало от Радугина к Скворцову, изо рта в рот. И в тот же момент неожиданная и странная перемена произошла с обоими.

Радугин вдруг словно померк, осунулся, вялою походкою вернулся к своему креслу, повалился в него и безжизненно замер, и лицо его стало тускло и безвыразительно. Скворцов же вдруг встрепенулся. Встал очень быстро, как внезапно разбуженный чем-то бесконечно радостным. Засмеялся. Быстро заходил, почти забегал по кабинету. Лицо его стало веселым и оживленным. Все более быстрые движения и быстрая смена выражений на его лице показывали, что в нем происходит очень энергичная внутренняя работа. Но он почти ничего не говорил. Только несколько раз с его губ сорвались краткие слова справочного характера:

— В истекшем 1905 году.

— За номером 12557.

— Этот циркуляр издан еще при Петре Ивановиче.

Потом захохотал, — и смех его совсем не был похож на тот гаденький смешок, которым смеялся он раньше, — хохотал так самоуверенно и самодовольно, что хоть бы и Радугину впору. Бросился в свое кресло, и вдруг застыл в прежнем безжизненном положении, и лицо его опять стало тупым и безвыразительным, как у куклы.

В тот же миг легкое облачко, струистое, синевато-серое, пронеслось, как и в первый раз, между двумя собеседниками, только на этот раз в обратном направлении, и Радугин оживился. Открыл глаза, потянулся, встал, посмотрел с презрением на Скворцова и досадливо проворчал:

— Вот-то дубина стоеросовая! Из этого болвана немного пользы выскребешь. Чинодрал на редкость чистого типа. Впрочем, в свое время пригодится.

Потом подошел к Скворцову и сказал погромче:

— Ну-с, милейший Иван Иванович, просыпайтесь, вернитесь пока к вашей обманчиво самостоятельной жизни. Морочьте себя и других довольно неудачною подделкою под настоящего человека с живою душою. Я побывал в вашей коже, и когда мне понадобится механизм вашего тела, я вас возьму и сделаю вами что-нибудь, может быть, и дельное. Проснитесь.

Наклонился к лицу Скворцова и опять сказал какое-то невнятное слово.

Скворцов открыл глаза. Смущенно улыбнулся, точно его застали в чем-нибудь нехорошем. Забормотал:

— Никак я заснул?

— Был грех! — со смехом ответил Радугин. — Кажется, всхрапнули немножко. Приятный сон видели, надо полагать?

Скворцов нерешительно говорил:

— Да, что-то снилось, только все забыл, что видел.

Радугин насмешливо улыбнулся. Сказал загадочно:

— Вспомните в свое время.

Посмотрел прямо в глаза Скворцова, подумал:

«Пора тебе и уходить».

И Скворцов, словно угадывая мысль хозяина, стал прощаться. Радугин его не удерживал.

1906

Текст 2.

Анализируя стихотворение А.Кушнера «Слово «нервный» сравнительно поздно...», обратите внимание на композиционные особенности текста, роль монолога и диалога в произведении, его связь с опытом и традициями русской литературы.

Александр Кушнер

* * *

Слово «нервный» сравнительно поздно
 Появилось у нас в словаре
 У некрасовской музыки нервнойной
 В петербургском промозглом дворе.
 Даже лошадь нервически скоро
 В его желчном трехсложнике шла,
 Разночинная пылкая ссора

И в любви его темой была.
 Крупный счет от модистки, и слезы,
 И больной, истерический смех,
 Исторически эти невроты
 Объясняются болью за всех,
 Переломным сознанием и бытом.
 Эту нервность, и бледность, и пыл,
 Что неведомы сильным и сытым,
 Позже в женщинах Чехов ценил,
 Меж двух зол это зло выбирая,
 Если помните... ветер в полях,
 Коврин, Таня, в саду дымовая
 Горечь, слезы и черный монах.
 А теперь и представить не в силах
 Ровной жизни и мирной любви.
 Что однажды блеснуло в чернилах,
 То навеки осталось в крови.
 Всех еще мы не знаем резервов,
 Что еще обнаружат, бог весть,
 Но спроси нас:- Нельзя ли без нервов?
 — Как без нервов, когда они есть!-
 Наши ссоры. Проклятые тряпки.
 Сколько денег в июне ушло!
 — Ты припомнил бы мне еще тапки.
 — Ведь девятое только число,-
 Это жизнь? Между прочим, и это,
 И не самое худшее в ней.
 Это жизнь, это душное лето,
 Это шорох густых тополей,
 Это гулкое хлопанье двери,
 Это счастья неприбранный вид,
 Это, кроме высоких материй,
 То, что мучает всех и роднит.

Максимальное количество баллов — 50

Ответ:

По моему мнению, рассказ Федора Сологуба
 «Тело и душа» является достаточно интересным
 для анализа. Авторский слог, описание персона-
 жей, их внешности и характера, способ донесения
 мысли и ведение самого повествования достаточ-
 но хорошо сочетаются и гармонируют друг с

другом. Теперь следует перейти к более детальному рассмотрению отдельных аспектов

Полагаю, начать следует с подачи текста. Некоторые отступления от текста и выразительные авторские примечания такие как: "Так начинаются многие рассказы" создают впечатление живого диалога с самим автором, что уже располагает читателем. Эпитеты, сравнения, метафоры, запоминающиеся определения хорошо и лаконично подобраны, что делает текст доступным и легким для чтения. Также хорошо прописаны все детали, благодаря чему повествование само собой визуализируется в воображении читателя.

Также считаю нужным отметить описание персонажей. Радушкин и Скворцов представлены противоположностями друг друга. Георгий Алексеевич представлен самоуверенным, статным человеком, хозяином этой жизни. Иван Иванович же тихим, услужливым человеком, не имеющим своего мнения и голоса. При этом автор мог не называть ни одной черты характера героев, но читатель всё равно смог бы безошибочно определить их по описанию действий, манере речи, реакциям.

Взаимоотношения персонажей этого рассказа заслуживают отдельного внимания. Иван Иванович Скворцов достаточно неуверенный в себе, подавленный, безвольный и удобный человек. На протяжении всего рассказа он соглашался и поддакивал любой мысли и любому высказыванию Радушкина. Сам по себе он напоминает раба или крепостного (несмотря на свой чин), который не в состоянии жить без чужой указки. Радушкин же прекрасно знает все качества Скворцова и без зазрения совести пользуется им. Как мне кажется, чтобы сделать из Скворцова запасным человеком, Радушкину было даже не обязательно прибегать к помощи тамбовянина. Достаточно было сказать, что Иван Иванович принадлежит Радушкину, и у Скворцова не нашлось бы возражений.

Июльником этого текста является фрагмент

гичность в сюжете. С её помощью автор доносит до нас реально существующие ситуации. И здесь либо мнение неоднозначно. Рационалистичностью Федор Сологуб мог маскировать либо отсылку к крепостному праву, либо и по сей день актуальную проблему векомости людей и проблему танды власти. Но, так как крепостное право было отменено в 1861 году, я больше склоняюсь ко второму варианту. Неоднородность маскировки и заблужденности в данном произведении возникла из-за времени, в которое жил и творил Сологуб. В 1908 году за подобные мысли могли сослать, а в худшем случае — расстрелять.

Если приглядеться, то и в наше время можно заметить такие же ситуации и истории. Тот самый нелыбка, как лично мне показалось, есть никто иное как волеизъявление танды власти. На это указывает фраза: «А есть такие нечуждые людишки, которыми можно овладеть». Рядом же представлен человек, который не смог справиться с попой к власти и поддался искушению.

15-7-2-3-3

Общее количество баллов

335305 (тунд -
цать Бабелов)
Стр

Подписи членов жюри

Окс -
Фед

ЗАДАНИЕ 2

«Чужая речь мне будет оболочкой,
И много прежде, чем я смел родиться,
Я буквой был, был виноградной строчкой,
Я книгой был, которая вам снится».

— писал в 1932 году Осип Мандельштам. Действительно, в XX веке «чужая речь», то есть поэтика цитат и аллюзий, стала привычным инструментом литераторов. Прочитайте два фрагмента стихотворений, в которых авторы использовали цитаты. Представьте, что вам необходимо написать небольшое эссе о «чужой речи» в литературе для научно-популярного просветительского сайта.

Чтобы эссе получилось содержательным, не забудьте следующие вопросы: Какие произведения процитировали авторы этих фрагментов? Какую задачу решают авторы с помощью «чужой речи»? Есть ли что-то общее у представленных текстов, чем они различаются? Приведите свой пример произведения, содержащего цитату, и сопоставьте его с приведенными двумя.

Фрагмент 1

....
 Не улыбаясь и не плача,
 Свой буйный укрощаю нрав,
 Пророчествуя наудачу,
 Всеведения не стяжав.

По малодушию и чтобы
 Страстного избежать венца,
 Среди мира алчности и злобы
 Глаголом я не жег сердца.

Раб нерадивый и лукавый,
 Но на челе моем печать.
 Мне пред Престолом Божьей славы
 За всё придется отвечать.

...

Глеб Глинка, 1972.

Фрагмент 2

...
 И, на колени тихо становясь,
 готовый и для смерти, и победы,
 прошу смиренно помощи у вас,
 великие российские поэты...

Дай, Пушкин, мне свою певучесть,
 свою раскованную речь,
 свою пленительную участь —
 как бы шая, глаголом жечь.

...

Евгений Евтушенко, 1965.

Максимальное количество баллов — 20

Ответ:

«Чужая речь» является достаточно частым приемом в литературе XIX века. На примере двух фрагментов я постараюсь обозначить значение данного понятия настолько точно, насколько смогу.

Глеб Глинка, автор первого фрагмента цитирует «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова или же «Евгения Онегина» А.С. Пушкина. В этом фрагменте угадываются черты характера и мысли Печорина и Онегина. Они оба имели буйный нрав, оба избегали жестокости и семейной жизни, и оба действительно, будто устали жить.

Евгений Евтушенко, автор второго фрагмента, вероятно был цитировал «Капитанскую дочку» А.С. Пушкина. «И, на колени тихо становясь, готовый и для смерти, и победы...» — эти строки явно напомнили мне Тютчева, ответственного решитель-

ного konusu. Также Евгений обращается к Пушкину, автору «Рагвинской дойки», что только укрепилмо мо догадку.

С помощью «чужой речи» авторы решают несколько задач. Во-первых, они таким образом могут привлечь внимание к своим произведениям. Во-вторых, с помощью «чужой речи» авторы поднимают и подтверждают актуальность произведений и их массы. В-третьих, людям, ознакомленным с цитируемыми произведениями, будет достаточно интересно увидеть отсылки на них в стихотворениях

Сравнивая дойки фрагменты угадываются сходства и различия. Сходство заключается в том, что ни в одном фрагменте прямо не называется герой, есть только характерные для него черты. А различие является обращение Евгения напрямую к Пушкину.

Я более чем уверен в том, что есть произведения, содержащие цитаты из «Преступление и наказание» или все из «Торж от ума». «Тварь я дрожащая или право имею», «А судьбы кто...», «слушать бы рад, прислушиваться тошно» и многие другие образы могут отлично вписаться в небольшие стихотворения.

Также есть множество поговорок по принципу написания; без упоминания героев, но с их характерными чертами. И все будут вновь и вновь привлекать внимание к бессмертной русской классике.

3-0-4-0-2

125

Общее количество баллов

Подписи членов жюри

Открыт *Велич*